

Н.Л.Дмитриева

ТАТЬЯНА И ПОЛИНА (ПУШКИН И ЗАГОСКИН)

Известно, что прозаическое произведение Пушкина, публикуемое под редакторским названием "Рославлев" (и публикуемое, смеем сказать, совершенно необоснованно, поскольку имеется название, данное произведению автором — "Отрывок из неизданных записок дамы (1811 год)") возникло как отклик на выпущенный в 1831 г. исторический роман М.Н.Загоскина "Рославлев или Русские в 1812 году". Причины, вызвавшие появление этого отклика, сводятся к следующему: в "Отрывке из неизданных записок дамы" отразилось неприятие Пушкиным трактовки автором "Рославлева" понятия патриотизма, критическое отношение к роману, как к историческому произведению, и, наконец, несогласие с изображением главного женского образа. По известному свидетельству Нащокина, последнее явилось основным поводом к написанию "Отрывка" — главная героиня казалась Пушкину "слишком опошленной; ему хотелось представить, как он изобразил бы ее"¹. Действительно, Пушкина интересует только героиня романа Загоскина, герой вообще выпал из его повествования (вот, кстати, одна из причин, по которой пушкинское произведение никак не может называться по имени отсутствующего персонажа).

Образ героини навел исследователя В.И.Глухова в работе 1962 г. на оригинальное решение проблемы о причинах, побудивших Пушкина столь живо откликнуться на роман Загоскина (известно, что Пушкин очень быстро прочел роман и столь же быстро написал свой "Отрывок"). Глухов полагает, что произведение Пушкина — это его ответ Загоскину, который своим "Рославлевым" выступил против романа "Евгений Онегин"². Сопоставляя "Рославлева" с "Евгением Онегиным" исследователь отмечает, что главная героиня романа Загоскина — Полина Лидина, дочь провинциальной вдовы-помещицы — девушка меланхолическая, скрытная, "живое, цветущее воображение" которой "облекает все в какую-то неземную одежду"³. Полина становится невестой Владимира Рославлева — главного героя

романа, хотя тайно любит другого — француза графа Сеникура, с которым она познакомилась в Париже. Любовь ее безнадежна: Сеникур женат. Начинается война, Рославлев уезжает в армию, а Полина изменяет жениху, выйдя замуж за попавшего в плен и оказавшегося по воле случая в доме ее матери Сеникура, который к этому времени стал вдовцом. Наступающие французы освобождают Сеникура, Полина уезжает с ним из России. Сеникур погибает в сражении. Одинокая, больная Полина, потерявшая новорожденного сына, также гибнет. Рославлев же, вернувшись после побед домой, находит истинное счастье, женившись на младшей сестре Полины — Ольге, которая давно и преданно любит его. Итак, меланхолической мечтательнице Полине противопоставлена ее сестра Оленька, о которой сказано, что она “добра, простодушна, приветлива, почти всегда весела; стыдлива и скромна, как застенчивое дитя, а рассудительна и благоразумна, как опытная женщина; но при всех этих достоинствах никакой поэт не назвал бы ее существом небесным; она просто — прелестный земной цветок, украшение здешнего мира”⁴. Вспомним другой ²
1 портрет Ольги - Ольги Лариной:

Всегда скромна, всегда послушна,
Всегда как утро весела,
Как жизнь поэта простодушна... (VI, 41).
.....
Невинной прелести полна,
В глазах родителей, она
Цвела как ландыш потасанный,
Не знаемый в траве глухой
Ни мотыльками, ни пчелой... (VI, 40 — 41).

Таким образом, по мнению В.И. Глухова, литературный прототип Оленьки Лидиной — это Ольга Ларина, о чем портрете Пушкин говорит “надоел он мне безмерно”; а Загоскин в этом портрете, напротив, видит идеал женщины, которая может составить счастье благородного и добродетельного мужчины. Образ же Полины Лидиной возник под влиянием образа Татьяны Лариной. Поскольку героиня Загоскина оказывается изменницей, выйдя замуж за врага отечества, то, по мнению Глухова, получается, что Загоскин хотел поставить под сомнение “Татьяны милой идеал”. Параллель между двумя парами сестер проводится не только на основе сходства их характеристик, но и на созвучности их имен — Полина и Ольга Лидины // Татьяна и Ольга Ларины. (Между прочим, Полину на самом деле зовут Пелагеей — “офрануженный” вариант выбран, конечно, не случайно⁵. Ольга — имя исконно русское — что тоже неслучайно. В комментарии к “Евгению Онегину” отмечено, что имя Ольга встречалось в

произведениях с “древнерусским” колоритом⁶. Несомненно, выбор имен у Загоскина имеет основание.)

Интересная, оригинальная и не лишенная остроумия точка зрения Глухова нашла своих сторонников. Ее поддержал И.В.Черный, автор кандидатской диссертации об исторических романах Загоскина, который полагает, что Загоскин подверг осмеянию романтическое направление в литературе и показал сниженный образ романтически настроенной девушки, т.е. Татьяны, в своем “Рославле”⁷. Точку зрения Глухова также принимает проживающий в Америке исследователь Е.А.Вертлиб, автор книги о “талантливом писателе” и “настоящем патриоте” Загоскине и о “непатриоте” и “не очень талантливом писателе и поэте” Пушкине⁸. Е.А.Вертлиб не сомневается в том, что Полина — это Татьяна Ларина. Он, однако не считает, что речь идет о дискредитации образа Татьяны, напротив, полагает, что Полина — это Татьяна, которая, как он пишет, “дооформилась “по-загоскински”⁹ — она не просто “другому отдана” и потому будет хранить ему верность, она любит своего мужа и “уходит” к нему — уезжает с ним и умирает вслед за ним. В Татьяне Е.А.Вертлиб видит “эмбрион трагедии Полины”¹⁰, на примере которой Загоскин показал, что экзальтированность и чувствительность вредны и опасны для русских христианских устоев. А пример Ольги показывает противопоставление надуманному пути Татьяны-Полины естественного пути русской женщины¹¹.

Насколько обоснованным является представление о Полине, как о героине, порожденной образом Татьяны? Л.С.Сидяков отмечал, что не лишенная остроумия точка зрения Глухова не может быть принята безоговорочно¹². Действительно, посмотрим на портреты Татьяны и Полины. Татьяна — “дика, печальна, молчалива” (IV, 42); Полина — “какое неземное чувство горит в ее всегда томных, унылых взорах”¹³. О Татьяне читаем:

Задумчивость, ее подруга
От самых колыбельных дней,
Теченье сельского досуга
Мечтами украшала ей (VI, 42 — 43).

Рославлев говорит о своей невесте Полине: “я понял причину ее задумчивости и всегдашнего уныния”¹⁴, однако на самом деле жених Полины не понял истинную причину ее задумчивости и уныния, т.к. ему было неизвестно, что его невеста тайно вздыхает по другому. Таким образом, хотя портреты двух героинь и схожи, но схожи — чисто внешне. Когда мы впервые знакомимся с Полиной, у нее есть все основания к тому, чтобы предаваться унынию. Татьяна же задумчива и уныла “от самых колыбельных дней”, не имея к тому видимых причин.

Кроме того, следует отметить, что противоположность двух сестер — прием достаточно распространенный в мировой литературе. Возьмем сказки: “Жили-были три сестры” — сестер в сказках, как правило, правда, три, но противопоставление идет на два полюса — обычно двум старшим противопоставлена младшая. Противопоставление сестер достаточно часто встречается и в романах. Например, в романах английской писательницы первой половины XIX в. Д.Остин показаны очень отличающиеся по характеру и склонностям сестры (“Чувство и чувствительность”, 1811; “Гордость и предубеждение”, 1813; “Доводы рассудка”, 1818). Можно указать и такие примеры, где сестер всего две: например, в романе Ф.Купера “Последний из могикиан” (1826) показаны две сестры, не схожие как внешностью, так и характерами. Старшая — более решительная — имеет волосы как “вороново крыло”, а более нежная, младшая — белокура. М.Г.Альтшулер в своем докладе на второй Пушкинской международной конференции, посвященном сопоставлению романа “Рославлев” Загоскина, попытке романа (как он это называет) Пушкина и романов Вальтера Скотта, отметил подобное противопоставление в романе В.Скотта “Пират” (1821)¹⁵. “Разница в характерах и внешности обеих сестер была поистине поразительной”¹⁶. Старшая имела “величественную осанку, темные глаза, иссиня-черные кудри”. “Посторонним порой казалось, что ее прекрасные черты отмечены грустью”, “истинной причиной этой задумчивости были внутренняя спокойная сосредоточенность и духовная сила”. Ее меланхолия — “не следствие действительных горестей, а лишь устремление души к предметам более возвышенным, чем то, что ее окружает”. Она — “существо иного, высшего и лучшего мира”. Книги в силу исторических условий (действие происходит в XVII в. на островах, расположенных к северу от Шотландии) были ей недоступны, но она читала книгу природы, окружавшей ее. Перед нами портрет меланхолической мечтательницы, которая, будь у нее такая возможность, читала бы романы. А вот портрет ее младшей сестры: “Ее густые локоны были того светло-каштанового оттенка, который в потоке солнечного света отликает золотом”; “беззаботная и почти по-детски легкая поступь, взгляд, который благодаря природной невинной живости на всем, казалось, останавливался с радостью”. Отметим любопытную закономерность — более независимая, решительная, склонная к интеллектуальным занятиям, сестра имеет темные волосы; беззаботная, более скромная, более нежная — белокура.

Есть две непохожие друг на друга сестры и в одном из популярнейших в XIX в. в Европе и в России романов — в романе мадам де Сталь “Коринна, или Италия” (1807). Отношение к роману было неоднозначным, тот же Пушкин писал:

Я не люблю твоей Корины,
 Скучны любезности картины.
 В ней только слезы да печаль
 [И] фразы госпожи де Сталь (II, 176).

Правда, в другом варианте этого черного автографа читается:

В блестящем вымысле Корины
 Нашел я верные картины... (II, 650).

Как бы то ни было, популярность этого романа была необыкновенно велика. Сохранился анекдот о том, что, якобы, все московские Екатерины переименовали себя в Корины¹⁷. В России роман был переведен уже в 1809 — 1810 гг. Думается, он не мог остаться незамеченным Загоскиным.

Главной героине романа — Коринне — умной, одаренной, образованной, широко демонстрирующей свои разнообразные таланты женщине противопоставлена ее младшая сестра — существо кроткое, скромное, покорное воле матери, ни на что не претендующее. Они не похожи и внешне (правда, у них разные матери) — Коринна имеет “прекрасные черные волосы”, “ее высокая статная фигура придавала ей сходство с греческой статуей”¹⁸, а у ее младшей сестры — белокурые волосы, ее “черты были необычайно нежны; быть может, ее талия была чересчур тонка и походка обличала слабое здоровье”¹⁹. Герой романа, шотландский пэр лорд Освальд Нельвиль, покорен талантами Коринны, однако он невольно задается вопросом, годится ли Коринна для прозаической роли жены. В английском обществе, к которому он принадлежит, где мужчине в высшей степени присуще чувство собственного достоинства, а женщине — скромность, предназначение жены видится в том, чтобы быть достойной тенью своего супруга. Для умной и талантливой Коринны это неприемлемо. — “Нет, Освальд, простите Коринне ее гордыню, но я думала, что рождена для другой участи. Я тоже умею покоряться любимому человеку... Но я не стала бы губить свой творческий дар”²⁰. Освальд любит Коринну, однако представление о семейном счастье связывается для него скорее с образом ее сестры, скромной и тихой, а не с триумфальной колесницей, в которой Коринна проехала по Риму, направляясь на Капитолий, где ее чествовали как образованнейшую и талантливейшую женщину. В конце концов Освальд женится не на Коринне, а на ее сестре и в результате оказывается несчастен. В романе Загоскина друг Рославлева говорит ему: “Надеюсь, ты будешь счастлив с Полиною; но мне кажется, я больше бы пораздовался, если б ты женился на Оленьке. — Почему же, мой друг? — Вот изволишь видеть: твоя Полина слишком... как бы тебе сказать?... слишком... небесна, а я слышал, что эти неземные девушки редко делают своих мужей счастливыми... теперь ты у ног ее;

теперь, нет сомнения, и твой образ облакают в одежду неземную; а как потом ты облечешься сам в халат да закуришь трубку... Ох, милый! что ни говори, а муж — плохой идеал!"²¹. Рославлев в противоположность лорду Освальду находит свое счастье именно в браке с "земной" Оленькой.

Между двумя романами можно провести еще одну параллель: родина Освальда — Шотландия, Коринна — наполовину англичанка, наполовину итальянка. Она живет в Италии и ощущает себя итальянкой. У героев разные вероисповедания. Отец Освальда прочил ему в жены англичанку (которая, как потом выясняется, — сестра Коринны по отцу, на ней он в конце концов и женится). Освальда терзают сомнения — вправе ли он изменить предсмертной воле отца, более того — в браке с Коринной он видит измену долгу перед родиной. Для Освальда большое затруднение состоит в том, что его возлюбленная исповедует другую религию и живет в другой стране. А для Коринны тут нет никакого препятствия: "Разве наши души и наши мысли не имеют одну родину?"²². У Загоскина же в конце романа раскаявшаяся Полина восклицает: "Безумная! я думала, что могу сказать ему: твой бог будет моим богом, твоя земля — моей землей. О нет."²³.

В самом романе Загоскина как будто бы нет намеков на мадам де Сталь или ее "Коринну", кроме, впрочем, одного — имя Коринны, происходящее от имени древнегреческой поэтессы Коринны, стало в России, благодаря роману госпожи де Сталь, нарицательным — его использовали для обозначения образованной, талантливой женщины. Северною или русской Коринной называли "царицу муз и красоты" Зинаиду Волконскую, поэтессу и переводчицу Анну Бунину. Использовали это имя и в ироническом смысле, что и делает Загоскин, рисуя карикатурный портрет глупейшей галломанки: "Ее всегдашнее общество составлялось из чиновников французского посольства и из нескольких русских молодых литераторов, которые вслух называли ее Коринною, потому что она писала французские стишки"²⁴. Может быть, тут наблюдается не просто использование имени, ставшего нарицательным, может, это непосредственный выпад в адрес мадам де Сталь? Ведь, если Загоскин и не выступал прямо против романа госпожи де Сталь, в любом случае, его "Рославлев" со всей очевидностью опровергает взгляды Коринны и ее создательницы (образ Коринны — в определенном смысле — автопортрет мадам де Сталь). Если так, тогда и более оправданным выглядит появление госпожи де Сталь в Пушкинском "Отрывке" в качестве действующего лица. Она там и представлена как "сочинительница Коринны" (VIII, 151).

К 1830-м гг. в русском обществе, в русской литературе со всей определенностью встает проблема "жоржандизма" —

проблема эмансипации женщины, ее положения в обществе, проблема женщины-литератора. Проблема эта пришла из Франции, из творчества Жорж Санд, а еще раньше — Жермены де Сталь. Тип свободной, образованной женщины был представлен самой мадам де Сталь и выведен в образе ее Коринны. Загоскин, осуждавший поклонников европейских (в первую очередь, французских) нравов, моды, литературы и т.д., не может признавать стремление женщины к независимости, тем более, если такая тенденция идет из Франции. Эта мысль достаточно ясно слышна в его “Рославлеве”. Недаром Надеждин в своей, по сути дела, единственной хвалебной рецензии на “Рославлева” главной удачей романа считает портрет Оленьки, “в коем ясно выражается русское девическое самоотвержение” и который “производит приятную уверенность, что Анастасии <героиня романа Загоскина “Юрий Милославский”> еще на Руси не выродились”²⁵.

В свидетельстве Нащокина говорится об “опошленном” характере героини, но, как отмечает В.Э.Вацуру, надо думать речь шла не столько о самой героине (Полина у Загоскина — образ трагический и страдающий); опошленным, наверное, показался Пушкину взгляд Загоскина на женский характер, так сказать, на “женский вопрос”²⁶.

Так все-таки можно ли утверждать, что Полина Лидина — это Татьяна Ларина, так сказать, “со знаком минус” (или, как считает Е.А.Вертлиб, наоборот, “со знаком плюс”)? Наверное, все-таки, нет. Полина, конечно, не Коринна (хотя созвучие имен тут даже удачнее, чем в случае Татьяна — Полина). Однако, вне всякого сомнения Загоскин не приемлет образ Коринны, как образец для подражания русской женщины, и, в определенном смысле, не мог он принимать и образ Татьяны коль скоро она “порусски плохо знала, / Журналов наших не читала / и выражалася с трудом / На языке своем родном”, “витала в облаках” (что Загоскин находит ненужным для женщины), была воспитана на романах, в том числе на романах мадам де Сталь, и даже воображала себя ее героиней (правда, не Коринной, а Дельфиной).

¹ Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П.И.Бартеневым / под ред. Цявловского М.А. М., 1925. С. 39.

² Глухов В.И. О творческом замысле повести Пушкина “Рославлев” // Научные доклады высшей школы. Филол. науки. 1962. № 1. С. 98 — 107

³ Загоскин М.Н. Соч.: В 2 т. М., 1987. Т. 1. С.319.

⁴ Там же.

⁵ Ср. в “Евгении Онегине”: “звала Полиною Прасковью”.

⁶ Лотман Ю.М. Роман А.С.Пушкина “Евгений Онегин”. Комментарий. Л., 1980. С. 196.

⁷ Черный И.В. Исторические романы Загоскина. АКД. Харьков, 1990. С. 8.

⁸ Вертлиб Е.А. 1812 год у Пушкина и Загоскина (к вопросу об истоках русского самосознания). Нью-Йорк, 1990. (Следует заметить, что автор не всегда добросовестен в своем исследовании: так, например, он пишет,

что в пушкинском автографе стоит дата — “2 июня” (С. 83), на самом деле в автографе стоит дата — 22 июня.

⁹ Там же. С. 95.

¹⁰ Там же. С. 99.

¹¹ Там же.

¹² Сидяков Л.С. Художественная проза А.С.Пушкина. Рига, 1973. С. 100.

¹³ Загоскин М.Н. Указ. соч. С. 319.

¹⁴ Там же. С. 319.

¹⁵ Альтшудлер М. Г. Два “Рославлева”: роман и попытка романа (Загоскин, Пушкин и Вальтер Скотт). Тверь, 1993.

¹⁶ Скотт В. Собр. соч.: В 20 т. М., 1963. Т. 12. С. 36—38.

¹⁷ Souriau M. Histoire du romantisme en France. Paris, 1927. P. 278.

¹⁸ Сталь де Ж. Коринна, или Италия. М., 1969. С. 24.

¹⁹ Там же. С. 294.

²⁰ Там же. С. 238.

²¹ Загоскин М.Н. Указ. соч. С. 321.

²² Сталь. Указ. соч. С. 161.

²³ Загоскин М.Н. Указ. соч. С. 602.

²⁴ Там же. С. 306.

²⁵ Телескоп. 1831. Ч. IV. С.225.

²⁶ Вацуро В.Э. Пушкин и проблемы бытописания в начале 1830-х годов // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1969. Т. 6. С. 154.

РОССИЙСКИЙ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1996

№ 8

Отделение литературы и языка Российской академии наук
Институт научной информации по общественным наукам РАН
Международное общество культурных связей с Индией

Издается с 1993 года

К 200 - ЛЕТИЮ РОЖДЕНИЯ А.С.ПУШКИНА Тематический номер

СОДЕРЖАНИЕ

Из пушкиноведческих разысканий

В.И.Кулешов. Духовный путь Пушкина (К пересмотру концепций)	3
А.А.Смирнов. Романтика дружбы в лирике Пушкина	13
М.В.Строганов. О роли предания в исторических сочинениях А.С.Пушкина	23
Д.П.Ивинский. "Медный всадник" Пушкина и "Отрывок" III части "Дядюв" Мицкевича	32
А.Б.Криницын. Пушкин и Жюль Жанен	37
И.С.Кузнецов. Элегия Пушкина "Брожу ли я вдоль улиц шумных..." .	49
Т.К.Батурова. Пушкин и альманах "Уrania"	56
Г.В.Зыкова. "Цыганы" и опера Вебера "Прецюза"	65

К "Евгению Онегину"

Ю.В.Стенник. Традиции Державина в "Евгении Онегине"	68
Н.Л.Дмитриева. Татьяна и Полина (Пушкин и Загоскин)	77
Г.В.Краснов. Соседи в поэтическом мире "Евгения Онегина"	85
В.А.Кошелев. Именник "Евгения Онегина" в функциональном аспекте .	91
Е.Я.Вольская. "Куплет Татьяне"	101
Е.А.Пономарева. О какой "грамматике" речь?	106
Н.И.Михайлова. "И учит азбуке детей"	111
А.В.Наумов. "Евгений Онегин" глазами криминалиста	114